

ГЛАВА IV.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПСИХИКА». ПСИХИКА — ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗИЯ И ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ.

В главе III мы выяснили общее определение психики, а именно: «психика—это все наши субъективные переживания, как отражения нашего социально-классового бытия». Сейчас мы остановимся на анализе конкретного содержания психики, увязав этот анализ с современными спорами в психологии по двум вопросам:

а) О соотношении психики, сознания и бессознательности. Исторически самое старое из современных направлений в психологии—эмпирическая психология—изучает только сознательные переживания, но в современной психологии ведется ожесточенная борьба по вопросу о том, что психика не сводится к одному только сознанию, что психика и сознание не покрывают друг друга, что психика шире сознания, что кроме сознания у нас есть подсознательные и бессознательные переживания; особенно остро ставится этот вопрос фрейдизмом, изучающим «глубинную» бессознательную психику.

б) О мозаичности психики. Большинство психологов-эмпириков считает, что наша психика состоит из изолированных, самостоятельных способностей, функций ума, чувств, воли; а ум—из механически связываемых, изолированно существующих ощущений. Против этого атомистического взгляда началась реакция даже и среди самих эмпириков. Против этой душевной мозаики, за единство, цельность нашей психики выступает на Западе так называемая гештальттеория, а у нас марксистская психология.

Эти спорные вопросы мы постараемся разрешить в свете основных исходных принципиальных методологических формулировок марксизма.

1. В понятие «психика» прежде всего входит понятие «сознание». «Нет ни одного исторического факта,—утверждает Плеханов,—которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания»¹. Но понятие «сознание» есть понятие широкое, подлежащее дальнейшему раскрытию. Это раскрытие идет по двум линиям: по степеням сложности сознания и по его внутренней характеристике, по присущим ему признакам и

¹ Т. VIII, стр. 251.

свойствам. По степени сложности мы должны различать, как мы это видели в предыдущей главе, два вида сознания: а) эмпирическое сознание и б) идеологическое сознание, т. е. то сознание, которое входит своим содержанием в идеологию.

Эти два вида сознания различаются между собой следующими моментами: 1) характером и степенью сложности обработки, участвующих в их образовании законов, поскольку эмпирическое сознание представляет собой перевод и переработку по низшим логическим законам мышления, а идеологическое сознание—перевод и переработку по высшим логическим законам вокруг единой руководящей идеи; 2) как две вырастающие друг над другом степени сознания, поскольку идеологическое сознание строится из систематизируемого им материала эмпирического сознания. В этом смысле идеологическое сознание характеризуется основоположниками марксизма как самосознание или, как Плеханов выражается, сознание сознания, т. е. осознание одного состояния сознания помощью другого состояния сознания, и 3) по их общественной значимости, ибо, поскольку идеологическое сознание или самосознание (общественное, классовое) означает сознание необходимости, постольку оно, в отличие от эмпирического сознания, является сознанием не только в психологическом, но и в общественном смысле.

Теперь перейдем к рассмотрению содержания понятия «сознание» по присущим ему признакам. Прежде всего мы имеем дело с познанием, с умственной, интеллектуальной деятельностью, с мыслями, идеями, разумом. Этой умственной интеллектуальной деятельности марксизм приписывает огромную общественную роль. Приведем несколько примеров из Плеханова: 1) Унижающую человека самохарактеристику идеалиста: «Я червь» Плеханов заменяет другой характеристикой человека: «Я червь, пока я невежествен, но я бог, когда я знаю»¹. 2) «Без разума,—говорит Плеханов,—открытия и изобретения были бы невозможны»². 3) Маркс, по мнению Плеханова, оказался одним из тех немногих революционеров, которые сохранили бодрость и веру в революцию, не благодаря силе воли и упорству характера, а благодаря идее научного социализма³. 4) «Если бы интеллигенция,—говорит Плеханов в другом месте,—прониклась, наконец, могучей идеей современного научного социализма, она перестала бы хныкать и бездействовать»⁴.

Здесь речь идет о разуме, о знаниях, об идеях, теориях, но ведь они действительны лишь постольку, поскольку они стали органической частью переживаний, как творца научного социализма, так и его последователей. Лишь проникши в сознание, лишь как органическая часть переживаний, идея может выполнять свою предохраняющую от нывья и разочарований революционную роль, свою роль «бациллы»⁵, «динамита»⁶. Следо-

вательно, речь идет также о роли и значении идей, как субъективных переживаний, т. е. речь идет также и о психике.

Познание, ум, интеллект, мысли, идеи, разум—это процессы центральные. Следовательно, речь шла о сознании, как явлении центрально-мозгового порядка.

Ну, а как обстоит дело с периферическими процессами, входят ли и они в понятие сознания? Для марксизма нет врожденных идей. Идеи вырастают как отражение бытия, переведенное и переработанное в человеческой голове, переработанное из ощущений. Нет центральной переработки без притекающих из периферии ощущений. Таким образом марксизм увязывает центральные процессы с периферическими, включает последние в сознание. В этом нет ничего удивительного, ибо для того, чтобы быть обработанными, переработанными в человеческой голове, эти ощущения должны дойти до человеческой головы, должны там образовать отражения—«переводы». Энгельс говорит, что все действия отражаются в голове в виде ощущений. Лишь отразившись в человеческой голове в форме ощущения, лишь дойдя туда, лишь будучи там сначала в переводном виде ощущения, периферические раздражения могут быть переработаны в мысли, идеи.

Видя в ощущениях, восприятиях субъективные переживания периферически-центрального порядка, а в мыслях, идеях, разуме—переживания исключительно центрального порядка, марксизм считает, что центральный момент ощущения качественно отличен от центрального момента мыслей. «Ощущение света,—говорит Плеханов,—есть именно только ощущение, т. е. пока еще не чувство, пока еще не мысль»¹. Это различие объясняется тем, что в первом случае в центре получается только отражение в форме непосредственного перевода, а во втором случае происходит и переработка. Точка зрения марксизма на идеи, мысли—как субъективные переживания центрального порядка и на ощущения—как субъективные переживания периферически-центрального порядка вполне совпадает, подтверждает и подтверждается взглядами целого ряда ученых. Так, Сеченов, чья работа «Рефлексы головного мозга» не потеряла своей научной ценности и по сей час, считает, что вся наша деятельность совершается по схеме трехчленного рефлекса, что ощущения, для того, чтобы стать реальными для нас, должны пройти через центр, что мысль есть свойство рефлекса, в котором заторможен третий член, в котором первый член иногда есть (при конкретной мысли), а иногда и отсутствует (при воспоминании), в котором, следовательно, всегда наличествует только второй, центральный член. Другими словами, с точки зрения Сеченова, мысль представляет собой субъективное переживание центрального порядка, а ощущение—периферически-центрального порядка. Таковы же взгляды Бехтерева, с тем только отличием, что последний, во-первых, определяет мысль то неверно и неточно, как заторможенный рефлекс, неверно и неточно потому, что неизвестно, какой член рефлекторной дуги заторможен, то точнее и вернее, как рефлекс с заторможенным концом, во-вторых, не всегда признает субъективную сторону мыслительных рефлексов.

¹ Т. X, стр. 200.

¹ Т. VII, стр. 247.

² Там же, стр. 170.

³ Т. III, стр. 260—261.

⁴ Т. II, стр. 262.

⁵ Т. XVI, стр. 104.

⁶ Т. II, стр. 71.

Таковы же взгляды Павлова, согласно коим каждый рецептор, т. е. воспринимающий аппарат, начинается на периферии и кончается в центре, в коре головного мозга.

Взгляды марксизма можно, как нам кажется, формулировать так: ощущение есть субъективное свойство периферически-центрального нервно-мозгового процесса, мысль есть субъективное свойство центрального мозгового процесса, а сознание, охватывая и первое и второе, представляет собой единство периферически-центральных переводов и центральных переработок, как субъективных свойств единства периферически-центральных и центральных нервно-мозговых процессов.

2. Из всего сказанного может получиться впечатление о марксизме, как об интеллектуалистическом учении, видящем и признающем только роль и значение ума, интеллекта, сводящем сознание только к уму, интеллекту, познанию. Однако это был бы ни на чем не основанный вывод. Марксизм признает не только ум, интеллект, но и чувства, эмоции, различая среди последних эмоции социальные, направленные на людей, и эмоции, направленные на природу. Приведем несколько примеров на социальные эмоции: а) Положительно-окрашенные эмоции. «Социалисты вовсе не сухие и холодные люди,—говорит Плеханов,—их душе свойствен энтузиазм к своему делу»¹. б) Отрицательно-окрашенные эмоции. «История представляет,—по мнению Плеханова,—немало поучительных примеров энергии отчаяния»². в) Моральные эмоции. Выступая против попытки Жореса примирить экономический материализм с идеализмом, Плеханов утверждает, что Маркс «никогда не закрывал глаза на роль моральных чувств в истории»³. г) Национальное самолюбие. «Плох был бы народ, лишенный этого чувства национального достоинства», замечает Плеханов об угнетенных иностранцами народах.

Признавая социальные чувства, т. е. чувства, связывающие или разъединяющие между собою людей во всех сферах их общественной жизни, марксизм признает также, как мы уже сказали, роль и значение эмоций, чувств человека в отношении к окружающей его природе. По мнению Плеханова, «сознание единства и родства человека с природой порождает светлое, отрадное чувство свободы, убивающее страх смерти»⁴. Последнюю мысль не мешало бы помнить тем марксистам, которые увлекаются Фрейдом, перейдя вместе с ним по ту сторону принципа удовольствия, т. е. к пессимизму.

3. Наряду с эмоциями, чувствами марксизм признает также и волю, желания, стремления. «История делается людьми так, а не иначе, вследствие известной необходимости,—замечает Плеханов, критикуя Вольинского,—но эта необходимость порождает, как ее следствие, стремления людей, которые являются неизбежными факторами общественного развития»⁵. Еще пример: Раз явилось у человечества

¹ Т. XVII, стр. 302.

² Т. VIII, стр. 281.

³ Там же, стр. 179.

⁴ Т. XVII, стр. 302.

⁵ Т. X, стр. 173.

желание,—пишет он,—оно само составляет факт из истории его умственного развития, и закон должен его охватить, ибо в противном случае мы придадим историческому закону какой-то мистический оттенок, превратив его в какой-то фатум¹.

Таким образом мы видим, что марксизм не узкий интеллектуализм, что он не сводит сознания к одному интеллекту, что он понимает под сознанием не только ум, но и чувство и волю, что марксизм понимает под психикой все богатство форм нашего сознания.

4. Хотя основоположники марксизма особенно много и часто говорят о роли сознания в историческом процессе, но это, однако, не значит, что они признают только сознание, что они сводят психику только к сознанию.

Основоположники марксизма часто и много говорят о бессознательном, инстинктивном. Но мы должны отметить следующее весьма важное обстоятельство. Мы видели выше, что высшая степень сознания—идеологическое сознание, самосознание—характеризуется не только как сознание в психологическом смысле, но и как сознание в общественном смысле. Подобно этому и термин «бессознательное, инстинктивное» употребляется основоположниками марксизма и в смысле психологическом и в смысле общественном. И действительно, если высшая степень сознания—идеологическое сознание, общественное, классовое самосознание—является как познание необходимости в природе и обществе не только сознанием в психологическом смысле, но и сознанием в общественном смысле, то низшая степень сознания—эмпирическое сознание—не представляя собой познания необходимости в природе и обществе, не может быть названо сознанием в общественном смысле. Низшая степень сознания—эмпирическое сознание, являясь сознанием в психологическом смысле, представляет собой в общественном смысле бессознательное, инстинктивное. В этом смысле Плеханов приемлет термин Фейербаха «бессознательное самосознание»², несмотря на его, казалось бы, внутреннюю нелогичность. Но тут нет никакой нелогичности, никакого внутреннего противоречия, поскольку сознание означает наличие у людей сознательных переживаний, их эмпирическое сознание, их сознательность вообще, а бессознательное означает отсутствие знаний об основных определяющих причинах, отсутствие самосознания, как сознания необходимости, т. е. бессознательное в общественном смысле.

Бессознательное, инстинктивное (в общественном смысле), т. е. эмпирическое сознание, психологически допускает несколько нюансов, несколько смыслов.

Первый смысл—это инстинкт, бессознательное в смысле отсутствия в сознании правильных объединяющих идей для сознания объективной необходимости. Приведем пример. Солидаризируясь с Энгельсом, «что в настоящее время все возможности религии уже исчерпаны», Плеханов добавляет, однако, что эти возможности «исчерпаны толь-

¹ Т. VII, стр. 93.

² Примечание к «Л. Фейербаху», изд. «Красная новь», 1923 г., стр. 110.

ко для сознательных пролетариев, а не для полусознательных и совсем бессознательных рабочих и не для интеллигентов»¹. Каков смысл этого деления не только пролетариата, но и «интеллигентов» на 1) сознательных, 2) полусознательных и 3) бессознательных? Ведь не только полусознательные, но даже и бессознательные рабочие мыслят, сознательно переживают свои чувства и действия. Следовательно, перед нами бессознательность не в том смысле, что у них совсем нет сознания, а в том смысле, что они не сознают определенного типа отношений, не знают в данном случае причин своих религиозных переживаний, как неправильных отражений их общественного бытия, не осознали соответствующей части объективной необходимости, т. е. бессознательность не в психологическом, а в общественном смысле наличия неверных идеологий.

Второй смысл термина «инстинкт», «бессознательное» — это отсутствие руководящей идеи.

Говоря о той уверенности и том спокойствии, с которыми Чернышевский ждал окончания реакционной непогоды в самодержавной России, Г. В. Плеханов считает, что его уверенность и спокойствие базировались на признаках «несомненных для практического инстинкта, хотя и неуловимых для теоретического ума»². Чернышевский своим теоретическим умом «не уловил признаков близкого расцвета» — означает только одно, что он не мог теоретически обосновать приближающийся расцвет, что ему недоставало определенных, обосновывающих идей, но что он, как практический деятель, видел признаки расцвета, создавал их, имея эмпирическое сознание эмпирических фактов.

Из анализа этого примера видно, что бессознательное, практический инстинкт означает здесь отсутствие основной идеи для теоретического обоснования эмпирически осознанных фактов, отсутствие сознания необходимости, а не отсутствие сознания вообще, не бессознательное в смысле психологическом. Поскольку отсутствие сознания объективной необходимости означает по существу отсутствие самосознания, постольку, следовательно, сознание отождествляется здесь с высшей степенью сознания, с самосознанием, а бессознательное — с низшей степенью сознания, с эмпирическим сознанием.

Третий смысл термина «инстинкт», «бессознательное» — это бессознательное, базирующееся на онтогенетически выработанной привычке.

«Воспитание человека в духе нравственности, — говорит Плеханов, — состоит именно в том, что для него становятся инстинктивной потребностью поступки, полезные для общества»³. Но ведь человек, совершающий нравственный поступок, сознательно переживает свои действия, более того, считает, что совершает их совершенно свободно, по своему личному внутреннему решению. Каков

¹ Т. XVII, стр. 6.

² Т. VI, стр. 297.

³ Т. VI, стр. 308 и т. V, стр. 219.

смысл «инстинктивности нравственного поступка»? Общество в процессе воспитания прививает, вырабатывает привычку, привычную установку реагировать определенным образом при определенной ситуации. Когда человек совершает свой нравственный поступок, то на самом деле это происходит не потому, что он раньше обдумал и свободно решил поступить так или иначе, а потому, что данная ситуация с ее раздражителями вызывает реакцию независимо от его воли и желания, как непосредственный привычный ответ на действия среды, совершающийся помощью привычных, проторенных воспитанием рефлекторных механизмов, осознаваемых уже в процессе работы всего механизма. Когда работает привычный механизм реагирования на определенный раздражитель при нравственном поступке, человек переживает эмпирически свой поступок, его сознание является непосредственным отражением совершаемого действия. Его мысль о свободном решении является лишь неверным осознанием поступка в самосознании. Поэтому нам кажется, что «инстинктивное» в данном случае означает неверность самосознания и наличие эмпирического сознания действий, ставших, в силу длительного процесса воспитания на протяжении онтогенетического развития, привычными, как бы органической потребностью.

Четвертый нюанс бессознательного в общественном смысле сводится к следующему. Если выше в основе инстинктивности лежит механизм, являющийся результатом длинного индивидуального развития в процессе воспитания, то в другом месте Плеханов идет дальше, указывая, что нравственные поступки базируются не только на онтогенетически выработанных, но и на филогенетически приобретенных, на протяжении поколений усиленных биологически унаследованных механизмах. «В основе нравственности, — говорит он, — лежит стремление к счастью целого, которое «всегда предполагает большую или меньшую степень самопожертвования». «И так как социальные чувства могут передаваться от поколения к поколению и усиливаться путем естественного подбора (см. очень дельные замечания Дарвина на этот счет в его книге о происхождении человека)», то данная особь рождается с «априорной способностью к самоотвержению», точно так же, как рождается она, по вышеприведенному (в примечании шестом) замечанию Рейнке, с «априорной способностью к дыханию и пищеварению», но в этой «априорности» «нет ничего таинственного: она постепенно образовалась в длинном процессе развития»¹.

Что же касается бессознательного и инстинктивного в психологическом смысле несознательности наличных переживаний, то основоположники марксизма о них мало говорят. Но они их безусловно признают. Мы видели в I главе, как Маркс характеризует труд первобытного человека как труд животнобразно-инстинктивный. К этому можно добавить положительное отношение Плеханова к Фехнеру, с одной стороны, и к Сеченову — с другой. А ведь основной закон Вебера — Фехнера

¹ Примечание к «Л. Фейербаху», изд. «Красная новь», 1923 г., стр. 138.

гласит, что только при определенной высоте раздражения мы получаем ощущение, что необходима определенная интенсивность субъективных состояний для того, чтобы они стали сознательными, а одна из основных мыслей Сеченова сводится к тому, что только на определенной высоте раздражения (возбуждения) процесс становится субъективным и что только на определенной высоте возбуждения бессознательное превращается в сознательное. Другими словами, Плеханов признавал наличие неосознанных переживаний не только в прошлом, но и у современного человека. На вопросе о том, почему марксисты мало о них говорят, мы остановимся ниже.

Можно спросить, как возможна вообще бессознательная психика, — психика, которая не переживается сознательно. Но мысль о том, что психика — это только сознательные переживания, есть метафизическая, идеалистическая интроспекция, потому что она не может себе представить другого внутреннего состояния, кроме сознания, и не понимает перехода количества в качество, т. е. перехода бессознательного восприятия, не доходящего, по слабой своей интенсивности, до сознания, в сознательное переживание.

Из сказанного о сознании и бессознательности ясно, что взгляды марксизма совпадают с теми направлениями в психологии, которые выступают против отождествления психики с сознанием, за более широкое понимание психики, за включение в нее весьма важного субъективного качества «бессознательное», «инстинкт», в психологическом смысле.

Веское мнение марксизма надо положить на весы тех направлений психологии, которые признают наряду с сознанием также и бессознательное.

5. Но к проблеме о сознательной и бессознательной частях психики надо подходить исторически и диалектически. Во-первых, как мы видели в первой главе, бессознательное в человеке количественно уменьшается, что приводит к качественному изменению соотношения между бессознательным и сознанием на протяжении исторического развития человеческого общества. Во-вторых, бессознательное не есть нечто в себе неизменное, всегда безусловно бессознательное. Оно качественно меняется, превращаясь из бессознательного в сознательное, по мере роста последнего. В-третьих, не только сознание вырастает из бессознательного, не только бессознательное превращается исторически и диалектически, по закону перехода количества в качество, в сознание, но и наоборот, в процессе длительного воспитания, т. е. не без участия сознания, вырабатывается инстинктивное. Следовательно, перед нами диалектическая картина, когда, с одной стороны, в процессе действия, повторения, накопления, роста количества повторений исторически и диалектически выросло из бессознательного сознательное, а с другой стороны, мы получаем обратный процесс, когда повторение, накопление, рост количества повторений приводит к переходу сознательного в инстинктивное.

6. В этом отношении интересно сопоставить взгляды марксизма и фрейдизма.

Как известно, одно из положений, на которых базируется фрейдизм, состоит в том, что определенная, основная, определяющая часть нашей психики состоит из бессознательного, не могущего стать сознательным. «Многое в Я безусловно бессознательно, именно то, что следует называть — «ядром» Я»¹, — заявляет Фрейд. Признание конфликта между этим безусловно бессознательным и сознательным и составляет основу учения Фрейда. Нас здесь интересует не сексуальное содержание бессознательного по Фрейду, которого мы коснемся в одной из последующих глав, нас интересует сейчас вопрос о том, каково, по мнению Фрейда, соотношение между сознанием и бессознательным, а именно, мысль Фрейда о том, что определенная, точнее, по мнению Фрейда, огромная часть наших переживаний, а именно «ядро» Я, была и остается бессознательной, не осознаваемой, не превращается из бессознательной в сознательную.

Совсем другой, диаметрально противоположный вывод вытекает из взглядов марксизма, согласно коим бесспорен тот исторический факт, что человек, по мере своего исторического развития, все больше и больше осознает себя и как члена общества и как часть природы, что он все более сознательно переживает не только получающиеся в его голове отражения от социального бытия, но и отражения от своего собственного тела — ощущения голода, жажды и другие, в том числе и сексуальные. Другими словами, все большая часть переживаний человека становится в процессе исторического развития сознательной, следовательно, и «ядро» Я, поскольку Фрейд допускает таковое, также все больше и больше превращается из бессознательного в сознательное.

Поэтому попытка увязать с марксизмом это понимание Фрейдом бессознательного недопустима и вполне естественно была подвергнута ортодоксальными марксистами (т. Дебориным и др.) вполне заслуженной резкой критике как попытка реакционная, антидиалектическая и антиисторическая. Но критика этого фрейдовского понимания бессознательного не означает и не может означать отрицания бессознательного вообще, как это видно из всего сказанного выше. Итак, психика, с точки зрения марксизма, представляет собой единство многообразия: а) психологически бессознательных, инстинктивных и психологически сознательных переживаний, б) эмпирического сознания или бессознательного в общественном смысле непознанной необходимости, и самосознания, т. е. сознания необходимости, сознания и в смысле психологическом и в смысле общественном, в) центральных и периферически центральных переживаний и г) ума, чувства, воли. Но из исторических взглядов марксизма вытекает, что общественное развитие ведет к большому расширению и росту сознания. Последнее и составляет исторически наиболее ценную часть наших переживаний, которая больше всего интересовала основоположников марксизма. Вот почему они так мало касались бессознательного в психологическом смысле этого слова.

7. Теперь перейдем к вопросу об увязке «ума», «чувств» и «воли», сознательного и бессознательного.

¹ «По ту сторону принципа удовольствия», изд. «Соврем. проблемы», стр. 51.

Г. В. Плеханов резко критикует душевную мозаику. Он называет геркулесовыми столбами абстракции, за которыми начинается комическое царство вполне очевидного абсурда, теорию Каблицы, превращавшего в особые социологические ипостаси различные области индивидуального сознания¹.

Субъективная, психологическая сторона нашей жизни включает в себе много разнообразных, качественно различных переживаний, но это не изолированные атомы, не самостоятельные способности, не разрозненные элементы, а явления, увязанные друг с другом, увязанные не механически, а органически в единое целое. Наша психика не мозаична, не атомистична, а представляет собой органическое единство многообразия в двух отношениях.

Во-первых, она единство в том отношении, что все проявления душевной деятельности, все наши психические переживания увязаны в нашем сознании, в нашем Я. Плеханов считает неоспоримым, что «каждый человек есть Я и у каждого человека каждое соображение о том или другом поступке неотделимо от сознания этим человеком своего Я»².

Во-вторых психика наша есть единство в том отношении, что всякое действие есть увязка, связь всех разнородных переживаний. «В каждом человеческом действии,—говорит Плеханов,—принимают участие все стремления человеческой природы, хотя бы одно из них и являлось преимущественно заинтересованным в этом деле»³. И если мы все же одно действие, одну реакцию, одно переживание называем, например, интеллектуальным, другое волевым, а третье эмоциональным, то специфичность этого базируется на преимущественной заинтересованности, на количественном преобладании тех или иных психических черт, дающих качественную характеристику то интеллектуальности, то эмоциональности и т. д. В основе определения «ум», «воля», «чувство» лежит количество, превратившееся в качество.

Единству психики в форме исторически растущей сознательности человеческой личности, человеческого Я, марксизм приписывает такую большую роль, такое действительное значение, что только в этом Плеханов видит истинную характеристику человека. «Сплошной» быт,—пишет он,—не есть еще человеческий быт в настоящем смысле этого слова. Он характеризует собой ребяческий возраст человечества. Там, где нет внутренней выработки личности, там мысль человека спит еще глубоким сном»⁴.

8. Психика представляет собой единство многообразия не только в том смысле, что она включает в себе много различных видов, форм переживаний, но и в том смысле, что она совершается по многим законам. Какие же это законы?

а) Закон ассоциации. Мы видели выше, что все переживания человека неотделимо связаны в единое целое. Психика, следовательно,

¹ Т. VIII, стр. 273.

² Т. V, стр. 220.

³ Там же, стр. 313.

⁴ Т. X, стр. 172—173.

есть единство на основе связи. Отсюда и роль закона ассоциации.

По мнению Плеханова, «история идеологии объясняется в значительной степени возникновением, изменением и разрушением ассоциаций идей под влиянием возникновения изменения и разрушения известных комбинаций общественных сил»¹. Хотя Плеханов говорит здесь об ассоциации идей, но поскольку идеи действительны лишь как переживания, как мы уже говорили об этом в главе III, постольку это относится и к психике. Тем более, что в другом месте Плеханов добавляет, что «разобраться в этих вопросах иногда легко, а иногда совсем невозможно по недостатку необходимых психологических данных»². Другими словами, ассоциация идей тесно связана с ассоциацией психологической.

Этот закон ассоциации, эта ассоциирующая работа мозга, которая изучалась в свое время субъективной психологией, во-первых, механистически и, во-вторых, совершенно абстрактно, точнее изолированно от лежащих в ее основе физиологических процессов и общественного бытия, является в настоящее время одним из основных объектов обеих ветвей рефлексологии—учения об условных рефлексах Павлова и учения о сочетательных рефлексах Бехтерева, ибо сущность как условного, так и сочетательного рефлекса состоит в образовании новых связей, сочетаний, увязок. Надо указать, однако, на то, что многие рефлексологи видят в них простую сумму отдельных рефлексов, механические цепи рефлексов, между тем как марксизм видит в сложных ассоциациях качественное новообразование—«переработку».

В современной науке, особенно в лице так называемой гештальт-теории, мы имеем течение, резко выступающее против ассоциативной психологии. Они правы в отношении механистически-атомистического взгляда на ассоциации, но критика последнего взгляда не может умалить значение той ассоциации, о которой мы говорим, ибо у нас идет речь об ассоциации, как новом качественном образовании.

б) Законы подражания и противоречия. Споря с Бартом, Плеханов соглашается, что «подражание играло очень большую роль в истории всех наших идей, вкусов, моды и обычаев»³, но в то же время он критикует его за односторонность. Ошибка Барта в интересующем нас отношении состоит в том, что он признает только подражание, между тем как кроме признаваемого им закона подражания есть еще и «стремление к противоречию»—«закон антитеза».

«Хотя у человека несомненно есть сильное стремление к подражанию,—пишет Плеханов,—но это стремление проявляется лишь при известных общественных отношениях, а при других общественных отношениях стремление к подражанию исчезает, уступая место противоположному устремлению, стремлению к противоречию»⁴.

Можно бы привести примеры еще некоторых других законов, при-

¹ Т. VIII, стр. 266—267.

² Т. VII, стр. 219.

³ Т. XIV, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 13.

сущих нашей психике, как например, закон симметрии, но мы ограничиваемся только этими законами, во-первых, потому, что они самые важные, во-вторых, потому, что они дают нам достаточную возможность вскрыть психику как единство многообразия различных законов.

9. Законы подражания и противоречия дают нам возможность вскрыть психику не только как единство многообразия, но и как единство противоположностей. И действительно, мы видели, что в единой, благодаря ассоциациям, психике действуют, под давлением общественного бытия, два противоположных начала—законы подражания и противоречия. Психика, следовательно, есть единство противоположностей, в смысле наличия противоположных законов.

Здесь мы можем столкнуться с возражением, что когда Плеханов говорит о двух противоположных законах—подражании и противоречии, то речь у него идет по существу не о внутриспсихическом противоречии, а о противоречии в смысле общественном. Возражение это может как будто базироваться на самом Плеханове, на его замечании о том, что английское дворянство во время реставрации Стюартов «не только не обнаружило ни малейшего стремления подражать крайним представителям революционной мелкой буржуазии, пуританам, но проявило сильнейшую склонность к привычкам и вкусам, прямо противоположным пуританским правилам жизни»¹. Перед нами как будто противоречие в смысле общественном. У пуритан одна психика, а у дворян другая—противоположная, и эти две противоположные психики не объединены, а существуют раздельно у разных классов.

Эта общественная диалектика, эта диалектика в смысле общественной противоположности бесспорна. Но имеем ли мы здесь дело только с диалектикой исторической, общественной, нет ли еще здесь также и диалектики, противоречия в самой психике? На этот вопрос приходится ответить положительно, ибо Плеханов делает очень интересную и важную оговорку: «Я выражаюсь очень неправильно. Стремление к подражанию не исчезло у англичан XVII в. Оно наверное с прежней силой проявилось во взаимных отношениях людей одного и того же класса». «Об этих людях мы, не боясь ошибиться, можем сказать, что они отрицали из подражания более серьезным отрицателям. Но, подражая им, они тем самым противоречили пуританам»².

Но ведь когда высшее английское общество подражает своим более серьезным сочленам отрицателям, то они воспринимают свои переживания и как подражание в отношении к сочленам своего класса и как противоречие в отношении другого класса. Следовательно, психика здесь безусловно выступает как единство внутреннего противоречия. Одно и то же переживание характеризуется одновременно и стремлением к противоречию и стремлением к подражанию. Таков один смысл «психика—единство противоположностей».

Теперь сравним переживания серьезных отрицателей и подражающих им их классовых сочленов, что даст нам возможность установить еще

¹ Т. XIV, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

один смысл внутренней противоположности психики... Высшее английское общество подражает своим более серьезным сочленам-отрицателям. Ну, а эти последние, когда они переживают то, что у них переживают остальные их классовые братья, кому они подражают? Есть ли у них подражание? Ясно, что они никому не подражают, что их переживания являются прямым противоречивым переживанием в отношении членов другого класса. Между серьезными отрицателями и подражающими им сочленами их класса есть разница в том, что в то время как вторые а) перенимают у первых уже готовые переживания и б) переживают их и как подражание и как противоречие; у первых эти переживания а) образуются впервые и б) как непосредственное противоречие пуританам. У отрицателей есть как будто только противоречие. Но это только кажется. И действительно, какова механика этого противоречия? Откуда растет противоречие у отрицателей? Они имеют восприятия от пуритан, от действий и переживаний последних и их собственные противоположные переживания вырастают по механике: «Ага, вы так, а мы наоборот!»

Эта механика не обязательно должна быть сознательно волевой, но она является единственной механикой образования, выработки противоположного. Когда одна социальная группа воспринимает обычаи, нравы, эстетические вкусы и чувства другой, социально-противоположной группы, то в ней в силу закона контраста, противоположности вырабатываются, возникают, нарождаются другие, противоположные нравы, обычаи, вкусы. В силу социальных противоречий, восприятие одних психических переживаний приводит к народению противоположных. Таким образом психика является здесь единством внутренних противоречий в новом смысле, а именно в том смысле, в том отношении, что восприятие одним классом переживаний другого класса порождает в первом другое, противоположное переживание.

Перерастание одного переживания в противоположное возможно даже в пределах одного и того же класса. Так, Плеханов показывает, что по мере того, как Александр I все более и более поддавался влиянию реакционеров, особенно тупого и жестокого Аракчеева,—любовь к нему со стороны передовых людей перерастает в ожесточение и ненависть, а стремление к мирным реформам перерастает в революционное чувство¹. Такова определяемая бытием, но имеющая большое общественное значение, диалектика психики как единства противоречий в смысле перерастания одного психического переживания в противоположное, в пределах одного и того же класса.

Это перерастание вскрывает психику как единство противоположностей еще и в том смысле, что в ней последовательно сменяются противоположные переживания...

Психика далее является единством противоположностей в том смысле, что противоположные психические переживания усиливают друг друга, что психические переживания с одной преобладающей чертой под-

¹ Т. X, стр. 358—359.

крепляют другие переживания с преобладающей противоположной чертой. Только спокойное, даже холодно-бесстрастное научное изучение общественных явлений может, по мнению Плеханова, создать прочную основу для страстной деятельности самоотверженного политического борца-революционера¹. Холодное бесстрашие является основой, базой страсти, эмоционально очень сильно окрашенной деятельности, увеличивает, укрепляет последнюю.

Наконец психика является единством противоположностей в высшем смысле этого слова, именно в том смысле, что у нас одновременно уживаются противоположные переживания. Плеханов называет отвлеченным, неконкретным, только на первый взгляд кажушимся логичным умозаключение Бюхера о том, что первобытные люди, убивающие стариков и детей, являются эгоистами, чуждыми социальных симпатий.

По мнению Плеханова тот парадокс, что убийство детей и стариков совершается иногда у племен, отличающихся в то же время сильным развитием родительских чувств и большим уважением к старикам, объясняется «не психологией дикаря, не свойствами характера первобытного человека, не его мнимым индивидуализмом, не отсутствием живой связи между поколениями, а теми противоречивыми условиями, в которых дикарю приходится вести борьбу за свое существование, т. е. его экономикой»².

Можно ли понять указание Плеханова буквально, что здесь никакой психологической проблемы, что здесь есть только экономическая проблема. Нет, это противоречило бы основному взгляду Плеханова на роль и значение психики. Смысл утверждения Плеханова совсем другой. Парадоксальное уживание противоречивых, противоположных чувств и действий есть, по мнению Плеханова, реальный исторический факт. Бюхер не может понять его потому, что он подходит к нему метафизически отвлеченно, а не диалектически конкретно.

Отвлеченность и метафизичность подхода Бюхера состоит, во-первых, в том, что он подходит метафизически к самой психике. Рассуждая отвлеченно, а не конкретно, Бюхер не видит и не понимает внутриспсихических противоречий, психологического единства противоречий. Не понимая внутренней диалектической противоречивости психики, он считает, что жестокость к старикам и детям, т. е. убийство их, несовместима с любовью. Или индивидуализм и эгоизм или социальные чувства—вот точка зрения Бюхера, приводящая его в противоречие с фактами жизни, истории.

Отвлеченность и метафизичность подхода Бюхера состоит, во-вторых, в том, что он подходит к проблеме только с точки зрения психологии, а между тем, для того чтобы понять уживание в людях, казалось бы, несовместимых чувств, чтобы не отрицать это реальное психологическое противоречие, надо подойти к вопросу не с психологической только, но и с экономической стороны, и тогда мы увидим, что экономически

¹ Т. III, стр. 357.

² Т. XIV, стр. 69—70.

противоречивая необходимость как реальный факт бытия вызывает психологическое противоречие, как свое отражение. И только подойдя так, с этой стороны к вопросу, нам не надо будет отрицать реальный факт—уживание противоречивых чувств и действий в нашей психике, только при таком подходе мы сумеем его объяснить.

Но объяснение психологического явления, в частности психических противоречий, не есть отрицание ни самого психологического факта, ни его роли и значения.

И действительно, допустим, что нашей психике не свойственно такое одновременное уживание противоречивых чувств, что оно психологически невозможно. Тогда объективная необходимость убийства детей и стариков осуществлялась бы при внутреннем противодействии, с трениями, медленно, с опозданием, колебаниями и т. д., что не могло бы не повредить объективно существовавшим потребностям. С другой стороны, поскольку в нашей психике уживаются одновременно эти противоречивые чувства, поскольку мы можем совместить любовь к живым с убийством, поскольку такое единство противоречий свойственно нашей психике—постольку объективная необходимость осуществляется легко, как говорит там же Плеханов, «с приятным сознанием исполняемого долга»¹. Ясно, что одновременное уживание противоречивых чувств имеет по мнению Плеханова большое общественное значение и, следовательно, когда он говорит: «не психология, а экономика», он имеет в виду только объяснение из первоосновы, а не отрицание роли и значения психических противоречий.

Итак, в нашей психике уживаются одновременно такие противоречивые чувства, как любовь к сородичам, сочленам общества, старикам и детям, с одной стороны, и жестокость убийства их—с другой. Такое же одновременное уживание противоречивых чувств Плеханов вскрывает у представителей крепостного права, доказывая, вопреки удивлению некоторых исследователей, что «Сумароков «мог», ни мало не противореча себе, отстаивать крепостное право и одновременно с этим жестоко порицать бесчеловечных помещиков»², а также у буржуазных реформистов, у которых уживаются утопичность, мечтательность, с одной стороны, и трезвенность штопанья—с другой³.

Таким образом психика, т. е. психологическая субъективная сторона нашей жизни, как отражение бытия, как его перевод и переработка, представляет собой не только единство многообразия, но и единство противоположностей, во-первых, в том смысле, что наша единая психика может действовать то по законам подражания, то по законам противоречия, что в ней происходит последовательная смена противоположных законов подражания и противоречия переживаний; во-вторых, в том смысле, что в ней одно переживание порождает или перерастает в другое противоположное; в-третьих, в том смысле, что одно психологическое переживание усиливает, укрепляет противополож-

¹ Т. XIV, стр. 69.

² Плеханов, История общественной мысли, кн. II, стр. 224.

³ Т. XI, стр. 256—258.

ное переживание; в-четвертых, в том смысле, что одно и то же переживание имеет одновременно две противоположные характеристики подражания и противоречия; и, наконец, в-пятых, в том смысле, что в ней одновременно уживаются противоположные переживания.

Эту диалектичность психики в смысле единства противоположностей уже знала и эмпирическая психология, но она не могла ее охватить потому, что подходила к психике метафизически, беря ее изолированно от общественного бытия и от физиологических механизмов.

Современная рефлексология интересна в том отношении, что она вскрывает диалектичность физиологических механизмов. Сюда относится установленный рефлексологией закон внутреннего торможения и растормаживания, когда прививаемый условный рефлекс затормаживается на определенной ступени, в силу внутренних причин, т. е. свойств самого мозгового аппарата, чтобы в определенный момент, в силу тех же внутренних, присущих мозговому аппарату свойств, растормаживаться, а также установленный закон отрицательной индукции. Сюда же относится и выдвигаемый П. П. Лазаревым закон «все или ничего».

Марксистской психологии предстоит огромная, трудная, но благодарная задача вскрыть не только физиологические, но и, что особенно важно, социально-классовые условия субъективной диалектики.

Мысль о многообразии и противоречивости в психике присуща целому ряду направлений современной психологии, при следующем, однако, отличии от марксизма. Марксизм, во-первых, берет единство многообразия и единство противоположностей психики как в отношении ко всем формам субъективных переживаний (ум, воля, чувство; бессознательное—сознательное; центральное—периферическое), так и в отношении к психическим законам (ассоциация, подражание, противоречие); во-вторых, он берет единство противоречий всесторонне как в самых субъективных переживаниях, так и в их физиологических механизмах и в их основе—противоречии социальном; в-третьих, он подходит исторически к проблеме бессознательное—сознание; и, наконец, в-четвертых, он сознательно диалектически подчеркивает единство многообразия и противоположностей, а также переход количества в качество, в вопросе о роли повторения для перехода сознательного и бессознательного и обратно, а также в вопросе о специфичности ума, воли и чувства.

Большинство же современных течений подходит к этому вопросу принципиально совсем не так. Одних интересует только вопрос о единстве ума, воли, чувства, т. е. единство сознания. Другие ограничиваются только вопросом единства сознания и бессознательного. Третьи вскрывают диалектику только в пределах физиологических механизмов. Наконец, и это самое главное, каждое из этих направлений, даже поскольку оно частично правильно подмечает элементы диалектики, делает это, фактически, стихийно, а не сознательно.

В СССР происходит процесс проникновения марксистского метода в психологию, который бесспорно приведет к торжеству марксистской психологии, стоящей на точке зрения сознательной диалектики.